

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

УДК 329.71

К. К. Худoley

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (эпоха Коминтерна и социализма в одной стране)

Идея мировой революции почти всегда доминировала в политике Советского Союза. Первоначально это был призыв к немедленному свержению капитализма в глобальном масштабе. Однако с середины 20-х годов XX в. ее сердцевиной стал лозунг «социализм в одной стране», а с середины 30-х годов она стала отождествляться со сталинской теорией государства. На практике идея мировой революции была частично реализована лишь в СССР, где большевики смогли удержать власть, ликвидировать частную собственность и свести к минимуму рыночные отношения. Попытки Коминтерна организовать восстания в других странах потерпели полный провал. В этих условиях в середине 30-х годов лозунг мировой революции был удален из открытой пропаганды, но сохранился в Красной армии, которая стала рассматриваться как главное орудие свержения капитализма. Внешняя политика СССР была направлена на создание благоприятных условий для мировой революции и расшатывание Версальской системы. Лишь во второй половине 30-х годов в ней появились элементы учета государственных интересов, которые вышли на первый план в рамках антигитлеровской коалиции 1941–1945 гг. Библиогр. 54 назв.

Ключевые слова: мировая революция, СССР, Коминтерн, Красная армия.

К. К. Khudoley

THE EVOLUTION OF THE IDEA OF WORLD REVOLUTION IN SOVIET POLITICS (The Epoch of the Comintern and Socialism in One Country)

The idea of a world revolution, in fact, had always been a leitmotiv in the politics of the Soviet Union. Initially, it called for an immediate overthrow of capitalism on a global scale. However, from the mid-1920s, the catchphrase of “socialism in one country” defined its core and, from the mid-1930s, it began to be identified with Stalin’s theory of the state. In reality, the key ideas behind the philosophy

---

Худoley Константин Константинович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой европейских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; k.khudoley@spbu.ru, k.khudoley@gmail.com

Khudoley Konstantin Konstantinovich — Doctor of History, Professor, Head of European Studies Department, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; k.khudoley@spbu.ru, k.khudoley@gmail.com

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

of world revolution were being partially put to practice only in the Soviet Union, where the Bolsheviks had been able to hold on to power, ban private ownership and minimize market relations. Attempts by the Comintern to foment uprisings in other countries were an utter failure. Under the circumstances, by the mid-1930s, the call for a world revolution had been removed from open propaganda but were still preserved within the Red Army. It was the latter that was to be regarded as the main weapon for overthrowing capitalism. Soviet Union foreign policy was aimed at creating favorable conditions for the world revolution and at rocking the Versailles system. By the end of the 1930s some elements of *raison d'état* had emerged, but they truly finally came to the forefront of the Soviet policy within the context of the anti-Hitler coalition of 1941–1945. Refs. 54.

Keywords: world revolution, Soviet Union, Comintern, Red Army.

В октябре 1917 г. в России появилось государство, которое с самого начала качественно отличалось от всех других. В. Ленин и партия большевиков ставили своей целью воспитание нового человека и создание нового типа общества и государства на принципах, диаметрально противоположных европейским ценностям и идеалам, а также распространение этих принципов на весь мир. Мессиянская идея о том, что именно они призваны привести все человечество к самому справедливому и совершенному обществу, неизменно присутствовала в политике советского руководства практически до самого распада СССР.

В научном плане вопросы «мировой революции» в советской историографии практически не разрабатывались. Лишь во второй половине 80-х годов появилось несколько работ, но на них сказывалось отсутствие многих источников, которые были еще закрыты, а также некоторые стереотипы предшествующего периода [1]. В зарубежной литературе данный сюжет разрабатывался достаточно серьезно, хотя и тут сказывалась ограниченность источниковой базы. В 90-е годы открылись многие архивы, появились и другие источники, но интерес к данной теме уменьшился. Некоторое оживление дискуссий произошло лишь сейчас в связи со столетием российской революции. К настоящему времени сформировались два подхода. Первый исходит из того, что мировая революция — это «изначально гуманная идея, имевшая целью спасти от гибели человеческую цивилизацию и открыть перед всем миром интернациональные перспективы социализма», но затем она «шаг за шагом превращалась в полную свою противоположность и, наконец, в прикрытие националистическо-державной политики сталинизма» [2, с. 5–6]. Странники этой точки зрения расходятся только во мнениях относительно того, когда конкретно произошло превращение. Далеко не все согласны и с утверждением об изначальной гуманности этой идеи. Вторая точка зрения исходит из того, что мировая революция в том или ином виде всегда была одним из важнейших, а длительное время и самым важным фактором, определяющим политику СССР, а иные аспекты стали учитываться значительно позже.

Представляется обоснованным мнение, что при анализе лозунга мировой революции необходимо четко выделить три аспекта: во-первых, это сама идея мировой революции как кардинальной смены общественно-политического строя во всемирном масштабе; во-вторых, лозунг первых двух десятилетий Советского государства, который в обыденном сознании сохранялся еще достаточно долгое время; и, наконец, в-третьих, попытки советских и зарубежных коммунистов реализовать идеи мировой революции на практике [2, с. 3]. По нашему мнению, в понятие «мировая революция» должны включаться не только борьба коммунистов за власть, но и их политика в качестве правящих партий по претворению в жизнь

проектов построения нового общества. Поэтому идея мировой революции доминировала в политике СССР в течение почти всей его истории.

В эволюции идеи мировой революции в политике СССР можно выделить два крупных периода, которые, в свою очередь, делятся на более мелкие этапы. Первый период — эпоха Коминтерна и социализма в одной стране, когда мировая революция в целом идет на подъем, второй — период образования и распада мировой системы социализма.

Целью данной статьи является исследование эволюции идеи мировой революции в политике СССР в первые три десятилетия после Октябрьской революции 1917 г., когда она в целом развивалась по восходящей линии.

Годы революционного натиска

Первый этап — с 1917 г. до середины 20-х годов — это период революционного подъема, попытка использовать кризис, вызванный Первой мировой войной, для свержения капитализма.

В. И. Ленин считал главной целью революционного движения свержение капитализма и создание «Всемирной федеративной республики Советов» [3, с. 300]. В Уставе созданного в 1919 г. Коммунистического Интернационала говорилось, что он борется «за установление мировой диктатуры пролетариата, за создание Всемирного Союза Социалистических Республик, за полное уничтожение классов и осуществление социализма» [4, с. 46]. В Декларации об образовании СССР (1922) также провозглашалось, что создание СССР «послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в мировую Социалистическую Советскую Республику» [5, с. 17]. Советский Союз качественно отличался от других федеративных государств. Прежде всего СССР носил ярко выраженный идеологический характер, поскольку был напрямую связан с мессианскими замыслами о создании нового общественного строя. К тому же он был нацелен на экспансионизм — другие федерации не исключали возможности приема новых членов, но ни одна из них не претендовала на всемирный охват. Поэтому в случае провала планов построения коммунизма или постоянного расширения СССР был обречен. Для России появление СССР означало серьезные потери. Традиционное геополитическое пространство Российского государства оказалось разделенным границами, которые были проведены произвольно (официально провозглашенный национально-территориальный принцип на практике не соблюдался) и которые могли в любую минуту стать государственными. По существу создатели СССР, как справедливо отмечал Президент В. В. Путин, «заложили атомную бомбу», которая «и рванула потом» [6]. Произошло реальное снижение и статуса самой России. Она превратилась пусть в самую большую, но одну из частей наднационального государственного образования, которое далеко не всегда учитывало ее интересы. Российские ресурсы — людские и материальные — щедро использовались для поддержки революций, восстаний, забастовок, финансирования компартий и друзей СССР, хотя жизненный уровень населения оставался низким. «Россия, — отмечал известный философ И. Ильин, — есть для коммунистов не более чем плацдарм для распространения революции во всем мире. Это есть укрепленный лагерь для вылазок в другие страны» [7, с. 6].

Ф. Энгельс предполагал, что коммунистическая революция «произойдет одновременно во всех цивилизованных странах, то есть по крайней мере в Англии, Америке, Франции и Германии» [8, с. 334]. В. Ленин же считал, что ее победа возможна сначала в нескольких или даже в одной отдельно взятой стране [9, с. 354]. При этом большевики исходили из того, что русская революция 1917 г. будет вскоре продолжена революциями в Европе. Различия были лишь по вопросу о конкретных сроках. Так, весной 1918 г. во время дискуссии о Брестском мире «левые коммунисты» считали, что мировая революция уже началась и ее надо только чуть-чуть подтолкнуть революционной войной, а В. Ленин и Г. Зиновьев занимали более осторожную позицию. Однако свержение монархии в Германии и Австро-Венгрии (осень 1918 г.), попытки создать советские республики в Венгрии, Словакии, Баварии весной 1919 г. настроили и их на более решительный подход. В принятой VIII съездом (1919) программе РКП(б) провозглашалось начало «эры всемирной пролетарской, коммунистической революции» [10, с. 71]. Первый председатель Исполкома Коминтерна (ИККИ) Г. Зиновьев утверждал, что уже через год вся Европа будет советской, хотя на II конгрессе Коминтерна (1920) он продлил срок до двух-трех лет. При этом Зиновьев выразил уверенность, что пятидесятилетие Парижской Коммуны, которая рассматривалась большевиками как первый опыт диктатуры пролетариата, будет в 1921 г. отмечаться во Французской Советской Республике [11, с. 11].

Первоначально большевики считали, что без государственной поддержки европейского пролетариата им не удастся долгое время удержаться у власти, и были готовы идти на большие жертвы ради победы революции в других странах [12, с. 172]. Однако в самой России они взяли курс на скорейшее уничтожение старых порядков. Политика «военного коммунизма» была обусловлена не столько трудностями Гражданской войны, сколько желанием большевиков как можно скорее претворить в жизнь коммунистические догмы. При этом они действовали достаточно жестко. «Мы должны, — говорил в сентябре 1918 г. Зиновьев, — увлечь за собой 90 миллионов из 100, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить — их надо уничтожить» [13]. Подобные настроения были широко распространены среди большевиков и зарубежных коммунистов, избравших через несколько месяцев после этого Зиновьева первым руководителем Коминтерна. Гражданская война в России была выиграна красными, но из-за политики «военного коммунизма» в экономике наступил полный хаос, многие регионы охватил голод. Кронштадтское восстание и другие массовые выступления вынудили Ленина отступить, перейдя к НЭПу. «Конечно, мы провалились, — говорил Ленин сотрудникам своего секретариата незадолго до смерти. — Мы думали осуществить новое коммунистическое общество по щучьему велению. Между тем это вопрос десятилетий и поколений... Можно попробовать загнать население в новый строй силой, но вопрос еще, сохранили бы мы власть в этой всероссийской мясорубке» [14, с. 112]. Чтобы сохранить власть в России, руководство большевиков активизировало усилия для ускорения революции в Европе. В марте 1921 г. — сразу после Кронштадтского восстания — ИККИ поручил германским коммунистам организовать восстание, которое закончилось провалом [15, р. 77–78]. Осенью 1923 г. в условиях острого конфликта между Германией и Францией была предпринята новая попытка революции — «германский Октябрь», которая также потерпела поражение. Подобная судьба постигла восстания в Болгарии и Польше (осень 1923 г.), Эстонии (декабрь 1924 г.). Следует отметить,

что молодые компартии иногда вели свою игру, провоцируя обострение обстановки в расчете на ускорение своего прихода к власти. Так, например, действовали польские коммунисты во время советско-польской войны 1919–1921 гг. [16, с. 148].

Мировая революция в эти годы планировалась как вооруженное восстание по примеру Петрограда в октябре 1917 г. Мирное взятие власти признавалось возможным лишь в исключительных случаях. Так, II конгресс Коминтерна заявил, что «гражданская война во всем мире поставлена в порядок дня» и что «международный пролетариат не вложит меча в ножны до тех пор, пока Советская Россия не включится звеном в федерацию Советских республик всего мира» [4, с. 152]. При этом выступавшие выражали уверенность, что «близок день, когда Красная пролетарская армия будет состоять не только из русских пролетариев, а из пролетариев всего мира, когда все трудящиеся, объединенные сознанием великого идеала социализма, образуют собой одну великую и непобедимую армию» [11, с. 31]. Коминтерн, особенно его нелегальные структуры, установил тесное взаимодействие с соответствующими органами Советского государства (Наркомат иностранных дел, ВЧК и т. д.). Финансирование деятельности Коминтерна и почти всех компартий осуществлялось Советским правительством. При этом значительные суммы расхищались различными авантюристами, изображавшими из себя революционеров.

Вопреки общепринятым международным нормам советские посольства открыто занимались вмешательством во внутренние дела других государств. «Наше посольство, — публично заявлял Ленин, — вносит революционную заразу» [17, с. 133]. Так, например, в 1923 г. полпред в Берлине Н. Крестинский входил в состав «четверки», руководившей подготовкой восстания по свержению правительства, при котором он был аккредитован [15, р. 158–159]. Это создавало серьезные препятствия для установления нормальных дипломатических, торговых и иных связей. Вопрос о прямом вторжении Красной армии (РККА) с целью поддержки революционных выступлений с самого начала был на повестке дня. РККА, ВЧК и другие силовые структуры Советского государства создавались на основе строгого классового подхода и рассматривались как орудие гражданской войны и внутри страны, и на международной арене. В приказе командующего фронтом М. Тухачевского (1920) прямо говорилось: «Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье трудящемуся человечеству! На Запад!» [18, с. 31]. Осенью 1923 г. всерьез рассматривался вопрос о военной помощи «германскому Октябрю». Так, 22 августа 1923 г. политбюро ЦК РКП(б) констатировало, что «германский пролетариат стоит непосредственно перед решительными боями за власть», и постановило, что «вся работа не только ГКП и РКП, но и всего Коммунистического Интернационала должна сообразовываться с этим основным фактом» и необходима «мобилизация боевых сил республики» [19, с. 19–20]. По воспоминаниям латвийского посла К. Озолиса, заместитель наркома В. Копп проводил с ним зондаж о возможности пропуска РККА в Германию через Латвию [20, с. 171–172]. Однако данные акции РККА не удалось или не состоялись. Сказались серьезные потери в Гражданской войне — упорное сопротивление белогвардейцев было важным барьером на пути мировой революции, а также неготовность РККА к серьезным военным действиям против иностранных армий.

Провозглашение в ленинском Декрете о мире права наций на самоопределение произвело впечатление в колониях и полуколониальных странах. Хотя глав-

ное внимание в стратегии мировой революции того времени уделялось Западу, определенные шаги предпринимались и в восточном направлении. В 1921 г. в орбиту советской политики вошла Монголия, вставшая на «некапиталистический путь», но появившиеся в ряде азиатских стран компартии были слабыми. Поэтому Москва делала ставку на националистические движения (Кемаль Ататюрк в Турции, Гоминьдан в Китае и т. д.), пытаясь противопоставить национальную буржуазию компрадорской, проимпериалистической. При этом важное значение придавалось тому, чтобы территория соседних стран не использовалась белогвардейцами. Так, в договор с Ираном (1921) было включено положение (статьи VI и VII) о праве ввода советских войск в северные районы Ирана [21, с. 538–539]. Неравноправность этого договора снизила впечатление от деклараций Советского правительства, которые до этого в колониальных и полуколониальных странах воспринимались позитивно.

Деятельность Советского правительства на международной арене была также полностью подчинена задаче мировой революции. Оно с самого начала исходило из того, что не является правопреемником царской России и Временного правительства. Целью его внешней политики было максимальное расшатывание системы международных отношений, что могло бы облегчить мировую революцию. Советская власть аннулировала все займы царского и Временного правительства и национализировала без компенсации имущество иностранных предпринимателей. В советской историографии это представлялось как избавление рабочих и крестьян от финансовой зависимости и эксплуатации иностранных капиталистов [22, с. 205]. В действительности это почти полностью лишило СССР возможности привлекать иностранные кредиты и инвестиции, что негативно влияло на развитие страны и жизненный уровень населения. Публикация советским правительством тайных договоров была также направлена не только на компрометацию правящих кругов воюющих стран в глазах народов, но и на разжигание конфликтов между капиталистическими странами. Одновременно Советское правительство, грубо нарушив обязательства России, подписало в марте 1918 г. сепаратный Брестский мир на невиданно тяжелых условиях. Через несколько месяцев он был отменен, но Россия лишилась плодов победы в Первой мировой войне, для которой сделала очень много. Эти шаги объяснялись не столько текущей политической конъюнктурой, сколько курсом на конфронтацию со всеми другими странами. Так, в резолюциях VII съезда РКП(б) (1918) особо подчеркивалось, что «Центральному комитету дается полномочие во всякий момент разорвать все мирные договоры с империалистическими и буржуазными государствами, а равно объявить им войну» [10, с. 27]. Естественно, что Версальский мир и Лига Наций — первые, не самые удачные и последовательные попытки создания демократической системы международных отношений, вызвали в СССР и Коминтерне крайнюю враждебность и на долгие годы стали для них главными врагами, поскольку реально противостояли плану мировой революции. Репутация Советского государства как не соблюдающего международные обязательства находилась на самом низком уровне.

В начале 20-х годов Советское государство подписало мирные договоры с Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой и Польшей. Это не было косвенным присоединением к Версальской системе. Москва — вопреки четким обязательствам — продолжала направлять революционную деятельность нелегальных ком-

партий, хотя данные страны, пусть и не сразу, прекратили поддержку и ограничили деятельность белой эмиграции на своей территории. При оценке этих договоров нельзя не отметить готовность В. Ленина к территориальным уступкам и невыгодным финансовым условиям. Большевики рассматривали их как передышку, а не длительный мир. При этом Ленин отмечал, что территориальные уступки соседям (речь шла конкретно о Польше) должны делаться так, чтобы облегчить в них советский переворот в будущем [23, с. 354].

Эту линию советская дипломатия вела и на конференции в Генуе (1922). Первоначально Москва не исключала возможности участия в проектах многостороннего сотрудничества и даже сделала ряд шагов, которые могли бы облегчить достижение договоренностей. Так, одной из причин реорганизации ВЧК в ГПУ с формальным сокращением полномочий было стремление произвести благоприятное впечатление на общественное мнение Запада [2, с. 360]. Однако затем курс был взят на отдельные переговоры с Германией. И дело не только в определенной негибкости западной дипломатии (в принципе вариант погашения царских долгов и других претензий за счет российской доли репараций от Германии был не таким уж плохим), но и в том, что Советское государство опасалось быть втянутым в орбиту капиталистических отношений в рамках многостороннего сотрудничества и предпочитало играть на противоречиях победителей и побежденных. Рапалльский договор (1922) безусловно подрывал Версальскую систему. Так, СССР стал помогать Германии обходить ограничения, установленные для ее вооруженных сил [24, с. 58–70]. Но договор не был равноправным. Если Советская республика полностью отказывалась от всех финансовых претензий к Германии, то Германия сохраняла право предъявить претензии, если бы Россия согласилась пойти на уступки любому другому государству [25, с. 223–226]. Позитивный эффект договора для советско-германских отношений оказался ограниченным. Москва уже через год нарушила его, попытавшись организовать «германский Октябрь». Это привело к крушению германской политики в другую сторону («план Дауэса» и Локарнский пакт).

Таким образом, прямая фронтальная атака на капитал, курс на мировую революцию дал первый результат. Большевики смогли завоевать и удержать власть в России, но в остальных странах попытки осуществить революцию не удалось. В партии большевиков и Коминтерне возникли разногласия о том, какую политику следует проводить в дальнейшем.

Приоритет — «социализм в одной стране»

Второй этап эволюции идеи мировой революции — с середины 20-х до середины 30-х годов — характеризуется тем, что при сохранении прежних революционных лозунгов главный акцент делается на построение социализма в СССР.

IV конгресс Коминтерна (1922) — последний, в работе которого участвовал В. Ленин, — принял обращение, в котором напоминал «пролетариям всех стран, что пролетарская революция никогда не сумеет восторжествовать в пределах только одной страны, что она может восторжествовать только в международном масштабе, вылившись в мировую революцию» [4, с. 326]. Однако в середине 20-х годов в руководстве большевиков возобладали иные настроения: И. Сталиным был провозглашен курс на построение «социализма в одной стране» [26, с. 131–141].

Значение этого лозунга постоянно возрастало, и на практике именно он вскоре занял главное место, стал сердцевиной идеи мировой революции.

Курс на «социализм в одной стране» имел ряд серьезных последствий. Прежде всего произошло признание того, что именно СССР является центром мировой революции, ее наиболее важным проявлением. «Существование Советской Республики, ее стойкость, ее успехи на фронте социалистического строительства, — отмечал И. Сталин, — является величайшим фактором мировой революции, подбадривающим пролетариев всех стран в их борьбе против капитализма» [27, с. 141]. В 1928 г. НЭП был отменен и началось «наступление социализма по всему фронту». Тот рубеж, на котором остановился В. Ленин, столкнувшись с восстаниями начала 20-х годов, был перейден И. Сталиным и его сторонниками. Это вызвало многочисленные протесты (крестьянские выступления против коллективизации и закрытия церквей, восстание рабочих в Вичуге в 1932 г. и др.). Они были жестоко подавлены, но Сталин был вынужден частично отступить: коммуны были реорганизованы в колхозы, открыты колхозные рынки и т. д. Однако ценою больших жертв к середине 30-х годов в СССР была ликвидирована частная собственность (Конституция 1936 г. признавала только государственную и кооперативную формы собственности), рыночные отношения сведены к минимуму. Появилась новая социальная структура общества: высшие слои времен царской России, старая интеллигенция, предприниматели, зажиточная часть крестьянства, наиболее квалифицированная часть рабочего класса были разгромлены и репрессированы (наиболее яркий пример — политика ликвидации кулака как класса). Опорой советской власти в еще большей степени, чем раньше, стали городские и сельские низы. В 1936 г. было официально объявлено о построении социализма в СССР, но жизненный уровень населения оставался крайне низким.

Притягательная сила советского социализма оказалась минимальной. Отзывы иностранных рабочих, приехавших в годы первой пятилетки в СССР по идейным соображениям или на заработки в условиях мирового экономического кризиса, а затем вернувшихся домой, были отрицательные. Пропагандистскую поддержку оказали лишь некоторые левые интеллектуалы, например А. Барбюс. Ущерб имиджу СССР нанесло бегство ряда дипломатов, разведчиков, ученых и других граждан, разочаровавшихся в социализме или опасавшихся репрессий. О серьезности этой проблемы свидетельствует упоминание о ней в докладе Сталина XVI съезду ВКП(б) (1930) [26, с. 360]. Одновременно принимаются жесткие меры по полной изоляции страны от внешнего мира. «Железный занавес» на практике появился уже в конце 20-х годов. Другим последствием курса на построение «социализма в одной стране» было то, что главной движущей силой мировой революции стала считаться Красная армия. Об этом достаточно откровенно говорилось в письме Сталина нижегородским курсантам (март 1925 г.), в котором выражалась надежда на то, что «нам удастся превратить нашу Рабоче-Крестьянскую Красную Армию из оплота мира, каким она является теперь, в оплот освобождения рабочих капиталистических государств от ига буржуазии» (цит. по: [28, с. 87]). Это приветствие Сталина было опубликовано много лет спустя, но в пропаганде в войсках эти идеи проводились достаточно последовательно. В этом контексте следует рассматривать и сталинскую индустриализацию в годы первых пятилеток. Это не была классическая индустриализация, так как царская Россия неизменно входила в пятерку ве-

дущих индустриальных государств мира и при нормальных условиях после окончания Гражданской войны могла бы в достаточно короткие сроки снова выйти на передовой уровень. В действительности речь шла о создании мощной тяжелой, особенно военной, промышленности, а также об обеспечении максимальной автаркии советской экономики. И, наконец, курс на «социализм в одной стране» сопровождался крайней централизацией международного коммунистического движения, в котором была установлена полная гегемония партии большевиков. Отношение к СССР стало критерием лояльности для каждого коммуниста. «Интернационалист тот, — отмечал И. Сталин, — кто безоговорочно, без колебаний, без условий готов защищать СССР потому, что СССР есть база мирового революционного движения, а защищать, двигать вперед это революционное движение невозможно, не защищая СССР» [29, с. 51]. V конгресс Коминтерна (1924) выдвинул лозунг большевизации компартий [4, с. 411]. На практике это была сталинизация. Хотя Сталин заявлял, что целью не является «вышибить из партии всех инакомыслящих» [30, с. 40], все несогласные, включая первого руководителя Коминтерна Г. Зиновьева, были изгнаны. Количество исключенных было столь велико (в Швеции, например, партия, созданная исключенными за «правый уклон», по численности и влиянию превышала оставшихся), что представляется возможным говорить о самом настоящем расколе Коминтерна, который произошел во второй половине 20-х годов. Новых руководителей отбирали в основном по принципу преданности И. Сталину вне зависимости от их поддержки в своих партиях. Так, в 1928 г. ЦК КПГ выразил недоверие своему председателю Э. Тельману (один из наиболее близких Тельману людей — руководитель Гамбургской парторганизации Витторф — совершил хищение партийных средств), но Сталин через Коминтерн добился отмены этого решения [26, с. 248–249]. Э. Тельман, который и до этого поддерживал И. Сталина в борьбе с Л. Троцким, теперь оказался в полной зависимости от него. Подобные события имели место и в ряде других компартий — ленинские кадры постепенно были заменены сталинистами. Параллельно нарастает культ личности Сталина. Особенно это стало проявляться после празднования его пятидесятилетия (декабрь 1929 г.). Постепенно для коммунистов всего мира критерием преданности стало отношение не только к СССР, но и лично к И. Сталину.

Во второй половине 20-х годов революционное движение на Западе пошло на спад и даже в официальных документах Коминтерна уже говорилось о временной и частичной стабилизации капитализма [4, с. 529]. Тем не менее попытки расшатать капиталистическую систему продолжались. В конце 1927 г. — начале 1928 г. ИККИ пришел к выводу, что стабилизация закончилась, и провозгласил наступательную политику «класс против класса». После того как осенью 1929 г. разразился мировой экономический кризис, в Москве возобладала уверенность, что «подъем революционного движения масс будет нарастать с новой силой» [26, с. 357]. XII пленум ИККИ (1932) открыто заявил, что мир вступил в новый тур войн и революций [4, с. 974]. При этом будущие конфликты, как и в предшествующий период, рассматривались в контексте тесного переплетения войн между государствами и гражданскими войнами. В августе 1928 г. ИККИ разослал инструкцию, в которой говорилось: «Методы работы не одинаковы на различных этапах войны и изменяются, начиная от особенно искусной пропаганды, вплоть до открытого выступления с целью непосредственной дезорганизации данной войсковой части, призыва

к мятежу и т.д., вплоть до перехода на сторону Красной Армии в случае войны против Советского Союза. Соответственно этому изменяется и политическое содержание работы, определяющееся вопросами войны и подготовки превращения империалистической войны в гражданскую» [2, с. 538]. В 1928 г. группа сотрудников ИККИ, ОГПУ и РККА подготовила для партийных активистов книгу «Вооруженное восстание». При этом предполагалось, что вооруженные восстания коммунистов будут поддержаны ударами РККА. В конце 20-х — начале 30-х годов в германской и польской коммунистической печати появились сообщения о планах наступательных операций РККА против соседних государств, что привело к скандалу. Руководство СССР и Коминтерна было крайне недовольно утечкой информации [31, с. 476–478; 2, с. 760–764]. В Германии подозрения возникли по поводу совпадения резкой речи наркома обороны К. Ворошилова на параде 1 мая 1929 г. с призывом к мировой революции и выступлениям военизированной организации компартии в Веддинге (Берлин) в тот же день [32, с. 125–126]. Но сил для восстания у коммунистов Европы не было. Начало 30-х годов закончилось для них не подъемом, а новыми поражениями. Особенно болезненным был разгром КПГ — второй по значению секции Коминтерна.

В этих условиях руководство СССР и Коминтерна стало обращать все большее внимание на Восток. Этот поворот был в известной степени намечен в последних работах В. Ленина, говорившего, что исход мировой борьбы зависит от России, Индии и Китая, составляющих большинство человечества [33, с. 404]. Теперь активность на Востоке резко возросла. Особое внимание уделялось Китаю. Сотрудничество КПК и Гоминьдана оказалось недолгим — в 1927 г. между ними возник конфликт и начались массовые репрессии против коммунистов. Во многом под влиянием этих событий VI конгресс Коминтерна (1928) заявил, что национальная буржуазия «окончательно перешла в лагерь контрреволюции» [4, с. 846], и одобрил курс на конфронтацию с нею. По существу это было аналогом политики «класс против класса». В контролируемых компартией районах Китая были созданы Советы, но они не получили массовой поддержки. Попытки создать Советы в других азиатских странах или колониях закончились провалом.

Внешняя политика СССР в эти годы по-прежнему развивалась в контексте стратегии мировой революции. Советское руководство исходило из того, что новая война неизбежна, и ожидало ее возникновения практически постоянно. Задачей советской дипломатии считалось лишь оттянуть ее до того времени, когда СССР окажется лучше подготовлен. Видимо, ввиду этого в политике СССР появился новый элемент. Москва, хотя и с оговорками, присоединилась к пакту Бриана–Келлога о запрете войн и договорилась с рядом соседних государств ввести его в действие досрочно. Это был первый случай участия СССР в многостороннем договоре с капиталистическими государствами. Вопрос о том, действительно ли руководители большевиков верили в угрозу антисоветской войны или просто использовали международную напряженность для оправдания снижения жизненного уровня населения, укрепления режима личной власти Сталина, обоснования политических репрессий, требует дополнительных исследований. Как представляется, до захвата Японией Маньчжурии (1931) реальной военной угрозы для СССР не было. Нельзя не отметить, что Япония смогла выступить в качестве «регионального жандарма» не только из-за обострения противоречий между великими державами в условиях

мирового экономического кризиса, но и ввиду сильной дестабилизации в Восточной Азии, вызванной гражданской войной между коммунистами и гоминьдановцами в Китае и беспорядками в ряде других стран этого региона.

В 1924–1925 гг. СССР был официально признан Великобританией, Францией, Италией, Японией и рядом других государств, а в 1933 г. — США. Однако это не привело к отказу от поддержки компартий и других сил, выступающих за свержение капитализма, что расценивалось правительствами этих государств как вмешательство во внутренние дела и в ряде случаев привело даже к разрыву дипломатических отношений (Великобритания, 1927 г.; Мексика, 1930 г.; Уругвай, 1934 г. и т. д.).

Советская дипломатия в эти годы продолжала пытаться играть на противоречиях капиталистических государств. Главным противником считалась Великобритания. Советская пропаганда постоянно обвиняла ее в подготовке к антисоветской войне, хотя в 20-е — начале 30-х годов британские военные расходы из-за экономических трудностей постоянно сокращались. Франция рассматривалась также негативно из-за присутствия на ее территории значительного числа белых эмигрантов, претензий многих ее граждан по аннулированным займам, а также обвинялась в стремлении создать «санитарный кордон» на границах СССР. Лишь к середине 30-х годов наметилось некоторое сближение. Наилучшие отношения, включая военное сотрудничество, сохранялись с Германией, особенно с теми кругами, которые хотели избавиться от Версальского мира, и Италией, где Муссолини также заявлял о желании порвать с Версальской системой. Приход Гитлера к власти был встречен в Москве сдержанно. Прежде всего не было осознано качественное изменение ситуации. Так, в декабре 1933 г. в документах XIII пленума ИККИ по-прежнему утверждалось, что «нарастает новый революционный подъем» и что «десять месяцев фашистской диктатуры доказали, что Германия все больше становится узловым пунктом, хотя неравномерно, но неуклонно назревающей международной пролетарской революции» [34, с. 2, 37]. К тому же, нацисты, проводя репрессии против германских коммунистов, в межгосударственных отношениях с СССР действовали осторожно: договор о ненападении 1926 г. был продлен, СССР получил — и в тот момент это было очень важно — отсрочку на несколько месяцев по выплате кредитов [32, с. 162, 165]. Поэтому еще в декабре 1933 г. председатель Совнаркома В. Молотов заявлял, что «СССР не имеет со своей стороны оснований к перемене политики в отношении Германии» [35], а нарком иностранных дел М. Литвинов подчеркивал особо тесные экономические и политические отношения двух стран в предшествующее десятилетие. «Мы, — отмечал он, — были единственной крупной страной, не желавшей иметь ничего общего с Версальским договором и его последствиями», добавив, что, «опираясь на эти отношения, Германия смогла смелее и увереннее разговаривать со своими вчерашними победителями» [36]. Некоторая озабоченность прозвучала лишь в докладе И. Сталина на XVII съезде ВКП(б) (февраль 1934 г.) [26, с. 650–651]. Отражением ее, видимо, стало изменение политики Коминтерна в отношении аншлюса. Ранее лозунг аншлюса в основном поддерживался в контексте общей линии борьбы с Версальской системой. Теперь он был снят в качестве призыва к непосредственным действиям. Как отмечалось на XIII пленуме ИККИ, коммунисты выступают против присоединения Австрии и Данцига к «третьей империи» германского фашизма и разъясняют, что «лишь созданием советской Австрии и объединением с советской Германией можно добиться национального и социального освобожде-

ния австрийского народа» [34, с. 204, 592]. Однако общая оценка ситуации не менялась. Так, в докладе делегации ВКП(б) в ИККИ на XVII съезде ВКП(б) было заявлено, что именно Англия «возглавляет мировую реакцию» и «берет на себя ведущую роль в подготовке войны против СССР» [37, с. 307].

Таким образом, к середине 30-х годов большевикам во многом удалось превратить в жизнь идеи о революционном преобразовании общества и социализме как первой стадии на пути к коммунизму. Однако для большинства человечества, кроме части самых бедных и обездоленных, советский пример оказался не притягательным, а отталкивающим. Шансов на победу революции в других странах становилось все меньше и меньше, а опасность изоляции СССР на международной арене в условиях приближающейся мировой войны становилась все более реальной.

Мировая революция меняет флаг

Третий этап развития идеи и практики мировой революции — с середины 30-х до середины 40-х годов — один из самых важных и порой драматичных, поскольку руководство СССР и коммунистического движения производит почти полную смену декораций при сохранении общего курса на завоевание власти во всем мире.

VII конгресс Коминтерна (1935) провозгласил политику единого рабочего и народного фронта против угрозы войны и фашизма. Лозунг установления советской власти во всемирном масштабе звучал на нем лишь в отдельных выступлениях. Более того, в марте 1936 г. И. Сталин, отвечая на вопрос американского журналиста Говарда о мировой революции, сказал, что у СССР «таких планов и намерений никогда не было... Каждая страна, если она этого хочет, сама произведет свою революцию, а если не захочет, то революции не будет» [38, с. 106]. В 1938 г. вышла «История ВКП(б). Краткий курс», являвшаяся концентрированным изложением коммунистических догм времен И. Сталина. О мировой революции в ней ничего не говорилось, и более того — содержались намеки, что эта идея принадлежала троцкистам и бухаринцам, процессы над которыми шли в это время полным ходом [22, с. 208]. Уже тогда среди работавших в Москве иностранных дипломатов шли дискуссии: действительно ли СССР переходит к более взвешенной политике или просто меняет тактику — от фронтальной атаки к подкопу — с тем, чтобы, как считал германский посол Г. Дирксен, «бомбы могли бы взорваться под штаб-квартирой врага в тот момент, который Советы сочтут благоприятным» [32, с. 117–118]. Второе мнение представляется более убедительным. Прежде всего отметим, что никаких корректив ни в документы Коминтерна, ни в программу РКП(б) внесено не было. Другое дело, что Сталин понимал слабость революционного движения в других странах и не очень рассчитывал на его поддержку. Поэтому в эти годы СССР впервые предпринял шаги, которые расходились с предшествующими догмами, но отвечали его государственным интересам, хотя сами эти слова не произносились.

Сама идея мировой революции теперь становится жестко государственнической. Как заявлял один из наиболее близких в то время к И. Сталину людей Л. Мехлис, если «сформулировать суть сталинской теории социалистического государства, то надо сказать, что это есть теория ликвидации капиталистического окружения, это есть теория победы мировой пролетарской революции» [39, с. 84]. Путей мировой революции теперь намечалось два. Первый — это действия Крас-

ной армии в предстоящей войне. Революционные призывы были удалены из открытой пропаганды, но полностью сохранились в военной сфере. «На стальных штыках и ворошиловских залпах, на могучих крыльях Советов, — инструктировал партийный актив Киевского особого военного округа 4 апреля 1939 г. Мехлис, — мы понесем освобождение рабочему классу капиталистических стран и водрузим знамя коммунизма на остальных пяти шестых земного шара!» [28, с. 87]. Более того, данные вопросы разрабатываются и на совершенно практическом уровне. В 1936 г. была переиздана книга видного военного теоретика В. Триандафиллова, в которой подробно рассматривалась проблема советизации районов иностранных государств, которые будут заняты РККА [40, с. 202–224]. При этом в пропаганде, в том числе и открытой, постоянно подчеркивалось, что СССР готов к войне, которая будет для него наступательной, и что РККА будет громить врага на его территории. Коммунистическое руководство было по-прежнему убеждено, что новый мировой конфликт будет переплетением войны между государствами и гражданскими войнами. Так, подводя в апреле 1940 г. итоги войны с Финляндией, Сталин особо подчеркивал, что необходимость отодвинуть границу от Ленинграда была связана не столько с тем, что в городе сосредоточено около трети советской военной промышленности, сколько с опасениями, что враги смогут взять Ленинград — вторую столицу, образовать там буржуазное правительство и дать толчок к гражданской войне [41, с. 272].

Второй путь — народные фронты. В 1936 г. народные фронты победили на выборах и сформировали правительства в Испании и Франции. В Испании глубокий раскол общества привел к кровопролитной гражданской войне (1936–1939). В ходе ее коммунисты вошли в состав правительства и при поддержке советских советников и интербригад, сформированных при активной роли Коминтерна, смогли поставить под свой контроль силовые структуры и провести ряд социально-экономических преобразований. В случае победы Народного фронта в гражданской войне перспектива прихода компартий к власти была вполне вероятной. Во Франции коммунисты отклонили приглашение социалиста Л. Блюма войти в состав правительства, но оказали ему поддержку по многим вопросам. Однако и тут компартия ориентировалась на то, что Народный фронт — это промежуточный этап на пути к советской власти во Франции, и разрабатывала конкретные планы по осуществлению этого перехода [42, с. 123–126]. Кроме Испании, Франции и Чили, политика Народного фронта не дала заметных результатов, поэтому руководством СССР и Коминтерна она стала вскоре рассматриваться как вспомогательная.

Внешняя политика СССР в эти годы строилась исходя из того, что РККА призвана сыграть главную роль в свержении капитализма, и поэтому значительно больший акцент делался на межгосударственные отношения. Новым элементом в советской политике стало подписание договоров о взаимной помощи с Францией и Чехословакией (1935). Одновременно Сталин высказал полное понимание и одобрение политики государственной обороны, проводимой Францией [43, с. 337]. Это вызвало серьезную растерянность у многих коммунистов и социалистов. До этого все компартии провозглашали, что в случае возникновения войны они будут действовать, как большевики в 1914 г. — бороться за поражение собственного правительства и использование возникшего кризиса для осуществления социалистической революции, а противодействие военным бюджетам было всегда

одной из аксиом политики левых самых различных направлений. Главным врагом по-прежнему считалась Великобритания. Так, даже в марте 1939 г., когда Гитлер уже совершил первые захваты, в докладе Д. Мануильского XVIII съезду ВКП(б) о деятельности делегации ВКП(б) в ИККИ наряду с критикой германского фашизма подтверждалась актуальность слов Сталина, сказанных в 1927 г., что «английский капитализм всегда был, есть и будет наиболее злостным душителем народных революций» [44, с. 10]. Однако Сталин постоянно маневрировал между другими крупными державами, добиваясь от них согласия на получение сферы влияния, где он мог бы действовать по своему усмотрению. Договор о ненападении с Германией и секретные протоколы (1939) предоставили ему эту возможность.

Новой проблемой, вставшей в этот период перед Сталиным, была борьба против первых попыток подорвать его гегемонию в революционном движении. Высланный из СССР Л. Троцкий объявил о создании нового IV Интернационала, который обвинял СССР в бюрократическом перерождении и отходе от идеалов мировой революции. Однако эти лозунги не могли стать популярными в 30-е годы. К тому же сталинская агентура развернула настоящую войну против IV Интернационала — в 1940 г. был убит и сам Л. Троцкий. Тем не менее летом 1941 г. IV Интернационал призвал пролетариев всего мира поддержать СССР в войне с гитлеровской Германией [45]. Крайнее раздражение Сталина вызвало левое правительство Каталонии — автономной области Испанской республики, которое выступило с критикой московских процессов 1936–1938 гг. Тут позиция Москвы была полностью непримиримой — Коминтерн отказывался от любого сотрудничества со всеми, выражавшими несогласие с этими процессами. Под нажимом СССР и компартии правительство Испанской республики было реорганизовано. Премьер-министром вместо Л. Кабальеро, возражавшего против репрессий, стал Х. Негрин. Предпринятые после этого меры против Каталонии спровоцировали восстание, которое было жестоко подавлено. Республиканцы, критиковавшие московские процессы, были обвинены в «троцкизме», «фашизме» и подверглись массовым преследованиям. Впоследствии стало известно, что некоторые документы, на основании которых строились обвинения, были сфабрикованы двумя испанскими коммунистами — сотрудниками политической полиции при участии советского журналиста М. Кольцова, пользовавшегося тогда особым расположением Сталина [46, с. 226–340]. Ущерб для антифашистского единства был существенным. Одной из причин, почему правительство Народного фронта Франции оказало Испанской республике ограниченную помощь, было то, что Л. Блюм, который, конечно, был против Ф. Франко, опасался установления в Испании коммунистической диктатуры.

С началом Второй мировой войны идеи мировой революции постепенно начинают реализовываться. «Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили бы социалистическую систему на новые территории и население» [47, с. 19–20], — сказал 7 сентября 1939 г. И. Сталин В. Молотову, А. Жданову и Г. Димитрову. В речи Молотова 17 сентября 1939 г. о вступлении РККА в Польшу ничего не говорилось о смене общественно-политического строя, но в приказе погранвойскам НКВД Белорусского округа от 17 сентября 1939 г. подчеркивалось, что цель наступления — «содействовать восставшим рабочим и крестьянам Белоруссии... в свержении ига помещиков и капиталистов и не допуске захвата Западной Белоруссии Германией» [48, с. 237]. В ноябре 1939 г. сразу после начала «Зимней

войны» было создано «народное правительство» из финских коммунистов-эмигрантов во главе с О. Куусиненом, которое было немедленно признано СССР, но отвергнуто народом Финляндии. Перед подписанием мирного договора 1940 г. оно было распущено. Но почти одновременно в составе СССР образовалась Карело-Финская ССР, в руководство которой вошли члены бывшего «народного правительства». Выступая в апреле 1940 г. с программной речью, руководитель Карело-Финской организации ВКП(б) Г. Куприянов провозгласил, что близок тот момент, когда трудящиеся Финляндии отбросят шайку Маннергейма в помойную яму, и что в нужный момент им будет протянута братская рука [49, с. 228–229]. Осенью 1939 г. советские войска вступили на территорию Эстонии, Латвии и Литвы, а летом 1940 г. эти страны были советизированы и включены в состав СССР. Это была, конечно, реализация идеи Всемирного Советского Союза на практике. Однако инкорпорация трех независимых государств в СССР создала достаточно много серьезных международных и внутренних проблем. Видимо, с учетом этого опыта Сталин пришел к выводу о нецелесообразности таких шагов в будущем. О создании Всемирного Советского Союза больше уже не говорилось. Более того, представляется, что в исторической перспективе эти шаги ослабили СССР. Вхождение в состав Украины западных областей усилило сторонников независимости в масштабах всей республики. Совместно с Эстонией, Латвией, Литвой и Молдовой, вошедшими в СССР помимо их воли, это создавало внутри СССР новые, постоянно расширяющиеся трещины.

Немногим более долговечным оказался и Коминтерн. После VII конгресса ни конгрессов, не пленумов ИККИ уже не собиралось. Многие иностранные коммунисты, проживавшие во второй половине 30-х годов в СССР, и советские сотрудники ИККИ стали жертвами репрессий. Пакт Молотова–Риббентропа вызвал растерянность и уход значительной части членов компартий.

На похоронах В. Ленина И. Сталин клялся, что «мы не пощадим своей жизни, чтобы укреплять и расширять союз трудящихся всего мира — Коммунистический Интернационал!» [30, с. 51]. Однако его отношение к Коминтерну, скорее всего, всегда было негативным. В первые годы Сталин не играл в нем какой-либо роли — он вошел в состав ИККИ лишь в 1924 г. Коминтерн, несомненно, ассоциировался у него с именами Г. Зиновьева, Л. Троцкого, Н. Бухарина, К. Радека и других оппонентов, но и после разгрома оппозиций Коминтерн оставался для Сталина чем-то чужим. Так, М. Смиртюков, наблюдавший за поведением Сталина на VII конгрессе, считал, что тому не нравилась атмосфера некоторой вольности, отличавшаяся от других политических мероприятий, проходивших в то время в СССР [50]. К тому же Сталин достаточно быстро пришел к выводу о неэффективности Коминтерна. Так, в 1927 г. на одном из заседаний политбюро ЦК ВКП(б) он прямо сказал: «Кто такие эти люди из Коминтерна? Это нахлебники, живущие за наш счет. И через девяносто лет они не смогут сделать ни одной революции» [15, р. 113–114]. Последующие события усилили у него эти настроения. К тому же деятельность Коминтерна создавала все большие проблемы для советской внешней политики. Так, США заявили протест по поводу VII конгресса Коминтерна как нарушающего договоренности, достигнутые при установлении дипломатических отношений [51, р. 250–251]. Сталин не мог это игнорировать. Принимая решение о роспуске Коминтерна в 1943 г., он рассчитывал, что это приведет к укреплению антигитлеровской коалиции и снимет некоторые проблемы перед встречей на высшем уровне

в Тегеране. Однако никаких данных о том, что США и Великобритания ставили вопрос о роспуске Коминтерна, до настоящего времени нет. Скорее всего, Сталин воспользовался благоприятной обстановкой для того, чтобы избавиться от устаревшей формы. В то же время он не собирался отказываться от руководства другими компартиями — для этого в ЦК ВКП(б) был создан международный отдел, куда перешла значительная часть аппарата ИККИ. Более сложной представляется оценка мотивов решений компартии США, Колумбии, Венгрии и некоторых других, объявивших в 1943–1944 гг. о самороспуске или превращении в более широкие объединения. Этого не могло произойти без какого-либо согласования с Москвой. Однако в 1945 г. эти шаги были объявлены ошибочными и компартии были восстановлены. На основании имеющихся источников трудно определить, был ли это тактический маневр или преследовались какие-то более серьезные цели.

После нападения Германии акцент на государственные интересы в советской политике усиливается, а проблемы революционного преобразования мира на некоторое время отходят на второй план. Это привело к трениям с некоторыми компартиями, например югославской, считавшей, что Москва недооценивает значение борьбы югославских коммунистов против фашизма [52, с. 151–152]. В агитации РККА исчезли упоминания о миссии по освобождению человечества, а на первый план вышли призывы к защите страны. В эти годы появляется формула «советского патриотизма», призванная слить в единое целое идеи коммунизма, мировой революции и защиты страны. Ее специфика заключалась в требовании преданности не только стране, но и, в первую очередь, общественно-политическому строю, а также в наличии значительного элемента пролетарского интернационализма. В дальнейшем в этой формуле в разное время преобладающими оказывались различные ее элементы. Вопросы создания и укрепления антигитлеровской коалиции, особенно налаживания взаимодействия с США и Великобританией, стали приоритетными. При этом Сталин не отказывался от попыток добиться международного признания границ СССР по состоянию на июнь 1941 г. (т. е. закрепить приобретения 1939–1940 гг.), а в дальнейшем и расширить свое влияние. Первоначально ему этого не удавалось — в союзные договоры с Великобританией (1942) и Францией (1944) не были включены пункты о границах СССР 1941 г., а на Тегеранской конференции (1943) Сталин, хотя и в самой общей форме, обещал Ф. Рузвельту провести в Эстонии, Латвии и Литве референдум или выборы, но без международного контроля [53, с. 151–152]. Лишь на заключительном этапе Второй мировой войны западные державы были вынуждены пойти навстречу Сталину. Первым шагом стала «процентная договоренность» У. Черчилля и И. Сталина в 1944 г. [54, с. 448–449], которая в основном была закреплена на саммитах в Ялте и Потсдаме (1945)

Таким образом, именно благодаря военному фактору — победам советских войск на фронтах Второй мировой войны — стало возможно расширение коммунистической системы.

Заключение

В течение почти трех десятилетий после Октябрьской революции идея мировой революции в целом шла на подъем. Большевики смогли захватить и удержать власть в огромной стране, занимавшей почти шестую часть территории Земли, и реализовать в ней многие из коммунистических догм о новом обществе.

Таковыми безусловно были:

- создание общественно-политического строя и государства на принципах не просто отличных, а диаметрально противоположных тому, что происходило в предшествующие столетия и в Западной Европе, и в самой России;
- образование Союза ССР как наднационального государства, претендовавшего на то, чтобы стать основой будущей Всемирной федерации советских республик;
- уничтожение частной собственности и сведение к минимуму рыночных отношений (полностью уничтожить их не удалось);
- создание новой социальной структуры общества.

К этому надо добавить, что через Коминтерн была образована глобальная, строго централизованная система компартий и связанных с ними различных общественных организаций, действующая в направлении достижения общей цели — победы коммунизма во всем мире. Вклад СССР в победу антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны привел к превращению его в глобальную державу, один из центров биполярного мира, и определенному укреплению позиций коммунистов в тех странах, где они играли существенную роль в движении антифашистского Сопротивления. Именно это создало благоприятную обстановку для выхода социализма за пределы одной страны и превращения его в мировую систему.

Однако эти успехи уже тогда девальвировались непривлекательностью советской модели социализма, огромными человеческими и материальными жертвами. К тому же политические реалии требовали от советского руководства, особенно во время войны с нацистской Германией, учитывать и государственные интересы, в том числе и когда они не совпадали с интересами зарубежных компартий.

Таким образом, к середине 40-х годов XX в. идея мировой революции и ее воплощение в жизнь достигли самой высокой точки, но одновременно на первый план все более явно стали выходить кризисные тенденции и явления.

Литература

1. Худoley К. К. Важный этап в становлении и развитии коммунистического движения. К 70-летию создания Коммунистического Интернационала // Вестник ЛГУ. 1989. № 2. С. 8–20.
2. Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М.: Наука, 1998. 949 с.
3. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1969. Т. 38. 580 с.
4. Коммунистический Интернационал в документах. 1919–1932. М.: Партиздат, 1933. 1008 с.
5. Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных Советских Социалистических Республик. Сборник документов. М.: Юридическая литература, 1960. Т. 3. 399 с.
6. Путин В. В. Заседание совета по науке и образованию. 21 января 2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51190> (дата обращения: 25.03.2017).
7. Ильин И. А. Советский Союз — не Россия. URL: http://imwerden.de/pdf/ilijn_sov_sozuz_ne_rossiya_1947.pdf (дата обращения: 25.03.2017).
8. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 4. 616 с.
9. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1969. Т. 26. 591 с.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II: 1925–1953. М.: Политиздат, 1983. 606 с.
11. Второй конгресс Коммунистического Интернационала. М.: Партиздат, 1934. 754 с.
12. Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. 307 с.
13. 7-я Петроградская общегородская партийная конференция // Северная Коммуна. 19.09.1918.
14. Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб.: Всемирное слово, 1992. 312 с.

15. *Krivitsky W. G. I was the Stalin's Agent.* London: Hamish Hamilton, 1939. 297 p.
16. Барышкин А. В. Независимость Польши и вопрос формирования ее восточных границ в контексте советской внешней политики рубежа 1918–1919 гг. // Петербургский исторический журнал. 2015. №3. С. 132–149.
17. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1969. Т. 37. 748 с.
18. Приказ войскам Западного фронта N 1423. г. Смоленск. 2 июля 1920 г. // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 30–31.
19. Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2001. 400 с.
20. Озолис К. Мемуары посланника. М.: Центрполиграф, 2015. 288 с.
21. Документы внешней политики СССР. Т. 3: 1 июля 1920 г. — 18 марта 1921 г. М.: Госполитиздат, 1959. 724 с.
22. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Партиздат, 1946. 352 с.
23. Ленин В. И. Неизвестные документы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 607 с.
24. Горлов С. А. Совершенно секретно: Альянс Москва — Берлин, 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения СССР — Германия). М.: Олма-Пресс, 2001. 352 с.
25. Документы внешней политики СССР. Т. 5: 1 января 1922 г. — 19 декабря 1922 г. М.: Госполитиздат, 1961. 786 с.
26. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М.: Партиздат, 1934. 655 с.
27. Сталин И. В. Собрание сочинений. М.: ОГИЗ, 1948. Т. 9. 383 с.
28. «На штурм капитализма, к мировой Коммуне»: стенограмма доклада Л. З. Мехлиса на собрании партийного актива Киевского Особого военного округа: 4 апреля 1939 г. (Окончание) // Исторический архив. 2005. № 3. С. 67–90.
29. Сталин И. В. Собрание сочинений. М.: ОГИЗ, 1948. Т. 10. 399 с.
30. Сталин И. В. Собрание сочинений. М.: ОГИЗ, 1948. Т. 6. 430 с.
31. Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. 1: 1928–1934. СПб.: Европейский дом, 2000. 704 с.
32. Дирксен Г. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. М.: Олма-Пресс, 2001. 445 с.
33. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1970. Т. 45. 730 с.
34. XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934. 600 с.
35. Окончание доклада тов. Молотова на сессии ЦИК // Правда. 31 декабря 1933 г.
36. Доклада тов. Литвинова на сессии ЦИК // Правда. 30 декабря 1933 г.
37. XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934. 639 с.
38. Сталин И. В. Собрание сочинений. М.: Писатель, 1997. Т. 14. 234 с.
39. «На штурм капитализма, к мировой Коммуне»: стенограмма доклада Л. З. Мехлиса на собрании партийного актива Киевского Особого военного округа: 4 апреля 1939 г. // Исторический архив. 2005. № 2. С. 60–94.
40. Триандафиллов В. К. Характер операций современных армий. М.: Госвоениздат, 1936. 232 с.
41. Зимняя война 1939–1940 гг. Книга вторая. И. В. Сталин и финская кампания (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)). М.: Наука, 1998. 295 с.
42. Торез М. Современная Франция и Народный Фронт. М.: Государственное социально-экономическое издательство (Госсоцэкиздат), 1937. 148 с.
43. Документы внешней политики СССР. Т. 8: 1 января — 31 декабря 1935 г. М.: Госполитиздат, 1973. 786 с.
44. Мануильский Д. Доклад делегации ВКП(б) в ИККИ на XVIII съезде ВКП(б). М.: Партиздат, 1939. 48 с.
45. Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1941. № 87 (август). URL: http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/BO/BO_No_87/BO-0725.html (дата обращения: 25.03.2017).
46. Роговкин В. З. 1937 год. М.: [б. и.], 1996. 479 с.
47. Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн 1919–1943. Документы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 960 с.
48. Пограничные войска СССР 1939–1941. Сборник документов и материалов. М.: Наука, 1970. 815 с.

49. В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы / под ред. Тимо Вихавайнена и Ирины Такала. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 1998. 289 с.

50. *Смиртюков М. С.* Воспоминания. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1752478> (дата обращения: 25.03.2017).

51. *Foreign relations of the United States. The Soviet Union, 1933–1939.* Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1933–1939. URL: <http://digioll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=header&id=FRUS.FRUS1933&q1=August%2025%201935> (accessed: 25.03.2017).

52. *Джилас М.* Беседы со Сталиным. URL: <http://www.e-reading.by/book.php?book=1003763> (дата обращения: 20.04.2017).

53. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сборник документов. М.: Политиздат, 1984. 174 с.

54. *Черчилль У.* Вторая мировая война. М.: Воениздат, 1991. Кн. 3. Т. 6. 709 с.

Для цитирования: Худoley К. К. Эволюция идеи мировой революции в политике Советского Союза (эпоха Коминтерна и социализма в одной стране) // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 10. Вып. 2. С. 145–165. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2017.205

References

1. Khudoley K. K. Vazhnyi etap v stanovlenii i razvitii kommunisticheskogo dvizheniia. K 70-letiiu sozdaniia Kommunisticheskogo Internatsionala [The important stage of formation and development of the Communist movement. On the 70-th anniversary of foundation of the Communist International]. *Vestnik LGU*, 1989, no. 2, pp. 8–20. (In Russian)

2. *Komintern i ideia mirovoi revoliutsii. Dokumenty* [The Comintern and the idea of world revolution. Documents]. Moscow, Nauka Publ., 1998. 949 p. (In Russian)

3. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete collection of works]. Vol. 38. Moscow, Politizdat, 580 p. (In Russian)

4. *Kommunisticheskii Internatsional v dokumentakh* [The Communist international in documents]. 1919–1932. Moscow, Partizdat, 1933. 1008 p. (In Russian)

5. *S'ezdy Sovetov Soiuz SSR, soiuznykh i avtonomnykh Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik. Sbornik dokumentov* [The Congresses of Soviets of the USSR, Union and Autonomous Soviet Socialist Republics. A collection of documents]. Vol. 3. Moscow, Iuridicheskaiia literatura Publ., 1960. 399 p. (In Russian)

6. Putin V. V. *Zasedanie soveta po nauke i obrazovaniuu* [The meeting of the Council for science and education]. 21 January 2016. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51190> (accessed: 25.03.2017). (In Russian)

7. Il'in I. A. *Sovetskii Soiuz — ne Rossiia* [The Soviet Union — not Russia]. Available at: http://imwerden.de/pdf/ilijn_sov_sojuz_ne_rossiya_1947.pdf (accessed: 25.03.2017) (In Russian)

8. Marx K., Engels F. *Sobranie sochinenii* [Collection of works]. 2nd ed. Vol. 4. Moscow, Politizdat, 1955. 616 p. (In Russian)

9. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete collection of works]. Vol. 26. Moscow, Politizdat. 591 p. (In Russian)

10. *KPSS v rezoliutsiiakh i resheniiakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK* [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. P. II. 1925–1953. Moscow, Politizdat, 1983. 606 p. (In Russian)

11. *Vtoroi kongress Kommunisticheskogo internatsionala* [The second Congress of the Communist international]. Moscow, Partizdat, 1934. 754 p. (In Russian)

12. *Protokoly Tsentral'nogo komiteta RSDRP(b)* [The protocols of the Central Committee of the RSDLP(b)]. August 1917 — February 1918. Moscow, Gospolitizdat, 1958. 307 p. (In Russian)

13. 7-ia Petrogradskaia obschegorodskaia partiinaia konferentsiia [The 7th Petrograd City Party conference]. *Severnaia Kommuna*. 19.09.1918. (In Russian)

14. Bazhanov B. *Vospominaniia byvshego sekretaria Stalina* [Memories of the former Stalin's secretary]. St. Petersburg: Vsemirnoe slovo Publ., 1992. 312 p. (In Russian)

15. Krivitsky W. G. *I was the Stalin's Agent*. London, 1939. 297 p.

16. Barynkin A. V. Nezavisimost' Pol'shi i vopros formirovaniia ee vostochnykh granits v kontekste sovetsoi vneshnei politiki rubezha 1918–1919 gg. [The independence of Poland and the question of establishment of its Eastern borders in context of Soviet foreign policy the end of 1918–1919]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2015, no. 3, pp. 132–149. (In Russian)

17. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete collection of works]. Vol. 37. Moscow, Politizdat, 1969. 748 p. (In Russian)
18. Prikaz voiskam Zapadnogo fronta N 1423. g. Smolensk. 2 iulia 1920 g. [Order to the troops of the western front no. 1423. Smolensk. 2 July, 1929]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, 1990, no. 5, 30–31 p. (In Russian)
19. Politbiuro TsK RKP(b)-VKP(b) i Evropa. Resheniia «osoboi papki» [Politburo of the CC of the RCP(b)-ACP (b) and Europe. Decisions of “special file”]. 1923–1939. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 400 p. (In Russian)
20. Ozolis K. *Memuary poslannika* [Memoirs of the envoy]. Moscow, TSentrpoligraf, 2015. 288 p. (In Russian)
21. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy]. Vol. III. 1 Jul 1920 — 18 Mar 1921. Moscow, Gospolitizdat, 1959. 724 p. (In Russian)
22. *Istoriia Vsesoiuznoi kommunisticheskoi partii (bol'shevikov). Kratkii kurs* [The history of the All-Union Communist party (Bolsheviks). Short course]. Moscow, Partizdat, 1946. 352 p. (In Russian)
23. Lenin V.I. *Neizvestnye dokumenty* [Unknown documents]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), 2000. 607 s. (In Russian)
24. Gorlov S. A. *Sovershenno sekretno: Al'ians Moskva — Berlin, 1920–1933 gg. (Voенно-politicheskie otnosheniia SSSR — Germaniia)* [Top secret: Alliance Moscow — Berlin, 1920–1933. (Military-political relations of the USSR — Germany)]. Moscow, Olma-Press, 1999. 352 p. (In Russian)
25. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy]. Vol. V. 1 January 1922 — 19 December 1922. Moscow, Gospolitizdat, 1961. 786 p. (In Russian)
26. Stalin I. V. *Voprosy leninizma* [Questions of Leninism]. Moscow, Partizdat, 1934. 655 p. (In Russian)
27. Stalin I. V. *Sobranie sochinenii* [Collection of works]. Vol. 9. Moscow, OGIZ, 1948. 383 p. (In Russian)
28. «Na shturm kapitalizma, k mirovoi Kommune»: stenogramma doklada L. Z. Mekhlisa na sobranii partiinogo aktiva Kievskogo Osobogo voennogo okruga: 4 apreliia 1939 g. (Okonchanie) [“To the attack of capitalism, towards World Commune”: the shorthand report of presentation by L. S. Mekhlis on the meeting of party activists of Kiev special military district: 4 April 1939 (Conclusion)]. *Istoriicheskii arkhiv*, 2005, no. 3, pp. 67–90. (In Russian)
29. Stalin I. V. *Sobranie sochinenii* [Collection of works]. Vol. 10. Moscow, OGIZ, 1948. 399 p. (In Russian)
30. Stalin I. V. *Sobranie sochinenii* [Collection of works]. Vol. 6. Moscow, OGIZ, 1948. 430 p. (In Russian)
31. Ken O. N., Rupasov A. I. *Politbiuro TsK VKP(b) i otnosheniia SSSR s zapadnymi sosednimi gosudarstvami* [Politburo of the CPSU(b) and relations between USSR and western neighbor states]. Part I. 1928–1934]. St. Petersburg, Evropeiskii dom Publ., 2000. 704 p. (In Russian)
32. Dirksen, G. *Moskva, Tokio, London. Dvadsat' let germanskoi vneshnei politikii* [Moscow, Tokyo, London. Twenty years of German foreign policy]. Moscow, Olma press, 2001. 445 p. (In Russian)
33. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete collection of works]. Vol. 45. Moscow, Politizdat, 1970. 730 p. (In Russian)
34. *XIII plenum IKKI. Stenograficheskii otchet* [The XIII Plenum of the ECCI. The shorthand report]. Moscow, Partizdat, 1934. 600 p. (In Russian)
35. Okonchanie doklada tov. Molotova na sessii TsIK [Finale Part of The Report of comrade Litvinov at the session of Central Executive Committee]. *Pravda*. 31.12.1933. (In Russian)
36. Doklad tov. Litvinova na sessii TsIK [Report of comrade Litvinov at the session of Central Executive Committee]. *Pravda*. 30.12.1933. (In Russian)
37. *XVII s'ezd Vsesoiuznoi kommunisticheskoi partii (bol'shevikov). Stenograficheskii otchet* [The XVII Congress of All-Union Communist party (Bolsheviks). The shorthand report]. Moscow, Partizdat. 1934. 639 p. (In Russian)
38. Stalin I. V. *Sobranie sochinenii* [Collection of works]. Vol. 14. Moscow, Pisatel', 1997. 234 p. (In Russian)
39. «Na shturm kapitalizma, k mirovoi Kommune»: stenogramma doklada L. Z. Mekhlisa na sobranii partiinogo aktiva Kievskogo Osobogo voennogo okruga: 4 apreliia 1939 g. [“To the attack of capitalism, towards World Commune”: the shorthand report of presentation by L. S. Mekhlis on the meeting of party activists of Kiev special military district: 4 April 1939]. *Istoriicheskii arkhiv*, 2005, no. 2, pp. 60–94. (In Russian)
40. Triandafilov V. K. *Kharakter operatsii sovremennykh armii* [The nature of operations of modern armies]. Moscow, Gosvoenizdat, 1936. 232 p. (In Russian)
41. *Zimniaia voina 1939–1940 gg. Kniga vtoraiia. I. V. Stalin i finskaia kampaniia (Stenogramma soveshchaniia pri TsK VKP(b))* [The Winter War. 1939–1940. Book two. Stalin and the Finnish campaign (Shorthand report of the conference at CC of ACP(b))]. Moscow, Nauka Publ., 1998. 295 p. (In Russian)

42. Torez M. *Sovremennaia Frantsiia i Narodnyi Front [Modern France and the People's Front]*. Moscow, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo (Gossotsekizdat), 1937. 148 p. (In Russian)
43. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR [Documents of Soviet foreign policy]*. Vol. XVIII. 1 January — 31 Decembre 1935. Moscow, Gospolitizdat, 1973. 786 p. (In Russian)
44. Manuil'skii D. *Doklad delegatsii VKP(b) v IKKI na XVIII s'ezde VKP(b) [The Report of the delegation of the ACP(b) in the ECCI at the XVIII Congress of the ACP(b)]*. Moscow, Partizdat, 1939. 48 p. (In Russian)
45. *Biulleten' oppozitsii (bol'shevikov-lenintsev) [Bulletin of the opposition (Marxist-Leninist)]*, 1941, no. 87 (August). Available at: http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/BO/BO_No_87/BO-0725.html (accessed: 25.03.2017). (In Russian)
46. Rogovkin V.Z. *1937 god [The year of 1937]*. Moscow, s. n., 1996. 479 p. (In Russian)
47. *Politbiuro TsK RKP(b)-VKP(b) i Komintern 1919-1943. Dokumenty [Politburo of the Central Committee of the RCP(b)-VKP(b) and the Comintern 1919-1943. Documents]*. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 2004. 960 p. (In Russian)
48. *Pogranichnye voiska SSSR 1939-1941. Sbornik dokumentov i materialov [The frontier-guard troops of the USSR 1939-1941. The collection of documents and materials]*. Moscow, Nauka Publ., 1970. 815 p. (In Russian)
49. *V sem'e edinoi: Natsional'naiia politika partii bol'shevikov i ee osushchestvlenie na Severo-Zapade Rossii v 1920-1950-e gody [One United family: the Nationalities Policy of CPSU from the 1920s — to the 1950s and its implementation in North-Western Russia]*. Ed. by Timo Vikhavaynen and Irina Takala. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo universiteta, 1998. 289 p. (In Russian)
50. Smirtiukov M.S. *Vospominaniia [Memories]*. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/1752478> (accessed: 25.03.2017). (In Russian)
51. *Foreign relations of the United States. The Soviet Union, 1933-1939*. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1933-1939. Available at: <http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=header&id=FRUS.FRUS1933&q1=August%2025%201935> (accessed: 25.03.2017).
52. Dzhilas M. *Besedy so Stalinym [The conversations with Stalin]*. Available at: <http://www.e-reading.by/book.php?book=1003763> (accessed: 20.04.2017). (In Russian)
53. Tegeranskaia konferentsiia rukovoditelei trekh soiuznykh derzhav — SSSR, SShA i Velikobritanii (28 noiabria — 1 dekabria 1943 g.). *Sbornik dokumentov [The Tehran summit of three allied Great powers — USSR, USA and Great Britain (28 November — 1 December 1943). The collection of documents]*. Moscow, Politizdat, 1984. 174 p. (In Russian)
54. Churchill W. *Vtoraia mirovaia voina [The second world war]*. Book 3, vol. 6. Moscow, Voenizdat, 1991. 709 p. (In Russian)

For citation: Khudoley K.K. The Evolution of the Idea of World Revolution in Soviet Politics (The Epoch of the Comintern and Socialism in One Country). *Vestnik SPbSU. Political science. International relations*, 2017, vol. 10, issue 2, pp. 145–165. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2017.205

Статья поступила в редакцию 13 марта 2017 г.
Статья рекомендована в печать 27 апреля 2017 г.